

Рабочий день подошел к концу глубокой ночью. Члены съемочной группы в сосредоточенном молчании собирали оборудование; каждый был поглощен своим делом, ощущая тяжесть дня, который так и не принес никаких ощутимых результатов.

Чжэн Юаньшэн, не переставая хмуриться, пересматривал на мониторе последние отснятые фрагменты.

Он поднял взгляд и посмотрел в угол, где замер Ши Цзянь. Долго и пристально всматриваясь в него, режиссер невольно вспомнил день прослушивания: тогда, едва взглянув на этого молодого человека, он мгновенно разглядел в нем того самого Фу Сяньчжи, которого так долго и детально выстраивал в своем воображении.

Ши Цзяню следовало бы наконец отдохнуть, но он продолжал просто стоять в углу, молча наблюдая за спящими вокруг людьми.

Все были предельно заняты, лица оставались серьезными, и никто не позволял себе остановиться ни на мгновение.

Никто не упрекал его, не бросал косых взглядов и не насмехался.

Люди просто стремились безупречно выполнять свою работу, и никто не позволял себе слоняться без дела, даже если за плечами остались совершенные ошибки.

- Ши Цзянь.

Молодой человек отозвался и поднял голову, встретившись взглядом с Чжэн Юаньшэном.

На лице режиссера не было и тени улыбки, но в то же время его нельзя было назвать злым.

Чжэн Юаньшэн дружески похлопал его по плечу и произнес:

- Не нужно лишних слов о том, что я возлагаю на тебя большие надежды. Ты и сам должен это

прекрасно понимать.

- Я вас разочаровал, - Ши Цзянь покорно кивнул. - Простите меня, режиссер.

В глубине души он пообещал себе, что обязательно постарается настроиться и сделать всё как следует.

- Нет, не извиняйся, - Чжэн Юаньшэн медленно покачал головой.

Ши Цзянь замер.

- Я прекрасно знаю, кого выбрал. Возможно, в какой-то конкретный момент я и могу усомниться в твоём текущем состоянии, но я всегда доверяю собственному суждению, - его тон звучал спокойно и твердо. - Я прекрасно знаю, на что способен, и ты тоже должен помнить о том, какой я выдающийся режиссер, - сказав это, он первым усмехнулся собственным словам.

- Наверное, сейчас ты думаешь: «Этот старик просто невыносимо самовлюбленный».

Ши Цзянь серьезно покачал головой и ответил:

- Вы действительно, как и сказали, очень выдающийся мастер.

- Смотрел мои фильмы? - с легким интересом спросил Чжэн Юаньшэн.

Это был вопрос, на который даже не требовалось отвечать.

Ши Цзянь уверенно произнес:

- От вашей самой первой работы «Путь против света» и до «Пустоши» - я видел каждый ваш фильм.

- Хорошо. И что же ты о них думаешь?

Ши Цзянь не совсем понимал, зачем режиссер задал этот вопрос, но решил ответить максимально искренне.

- В ваших ранних работах кадры были пропитаны гнетущим напряжением. Например, в «Зеркале» есть сцена в ванной: героиня смотрит в зеркало, и камера очень медленно, почти незаметно приближается к ней. Это длится почти минуту, и всё это время главный герой не произносит ни единого слова...

Ши Цзянь даже не задумывался над словами, его речь лилась плавно и естественно.

- И только когда камера подошла вплотную, зафиксировав крупный план, она наконец произнесла: «Кто ты, в конце концов?»

Чжэн Юаньшэн полагал, что ответ «смотрел» означает лишь поверхностное знакомство с творчеством - так обычно говорят те, кто пытается подольститься к режиссеру. Он никак не ожидал такой поразительной конкретики и столь пристального внимания к деталям.

Заинтригованный, режиссер жестом предложил молодому человеку продолжать.

- Позже ваш стиль стал более утонченным, а работа с камерой - более гибкой и терпимой к сценам...

- В «Закате» передача эмоций очень сдержанная. Кажется, что вам вовсе не нужны никакие преувеличенные приемы, чтобы зритель полностью погрузился в тот мир, который вы стремитесь показать.

Его речь была на редкость красноречивой, что разительно отличалось от того образа, который Чжэн Юаньшэн видел в нем раньше и который наблюдал сегодня перед объективом камеры.

Режиссер не останавливал его и не перебивал, с интересом слушая, как юноша неспешно продолжает свои рассуждения.

- В «Пустоши» мне особенно запомнилась сцена, где главный герой стоит перед руинами, изъеденными ветром и песком. Благодаря статичному широкоугольному плану персонаж кажется почти поглощенным бескрайним пустынным фоном...

Ши Цзянь без умолку говорил о фильмах Чжэн Юаньшэна, проходя путь от его самого первого дебюта до картины пятилетней давности. Вокруг них уже давно воцарилась глубокая тишина.

Внезапно он замолчал, осознав, что, кажется, сказал слишком много.

Подсознательно он хотел было извиниться, но в последний момент проглотил слова «прошу прощения». Было очевидно, что режиссер подошел к нему вовсе не для того, чтобы слушать лекции о своем же творчестве.

Чжэн Юаньшэн несколько секунд пристально смотрел на Ши Цзяня, а затем жестом пригласил его присесть рядом.

- Ты когда-нибудь замечал? - с искренним интересом спросил режиссер. - Что твой взгляд на кино всегда проходит через призму «камеры»?

Ши Цзянь опешил; он никогда прежде не задумывался о подобном.

Разумеется, единственным возможным ответом было: «Никогда не замечал».

- Обычный зритель, смотря фильм, прежде всего обращает внимание на сюжет, в лучшем случае - на игру актеров. Он судит о том, хорош ли фильм в целом, или о том, какая часть истории больше всего тронула его и запомнилась, - Чжэн Юаньшэн говорил теперь с еще большей профессиональной сосредоточенностью. - Но очень мало кто с первого же взгляда замечает, как именно режиссер использует камеру, чтобы рассказать свою историю.

Ши Цзянь был немного озадачен.

Чжэн Юаньшэн пояснил:

- Ты мгновенно улавливаешь, как камера передает тончайшие эмоции персонажа, замечаешь

даже скрытую задумку в расположении сцен и ритме монтажа. Это не взгляд обычного зрителя, а инстинктивная реакция режиссера или настоящего профессионального кинематографиста.

Ши Цзянь задумался над его словами, не совсем понимая, что в этом может быть особенного. Он просто был слишком глубоко погружен в само искусство кино.

В отличие от Чу Юня, который – будь то из-за своего сложного характера или врожденной нетерпеливости – вряд ли смог бы досидеть до конца фильма вместе с ним.

Ши Цзянь не мог вечно проводить время в компании растений, поэтому чтение книг или просмотр кино стали тем единственным и лучшим миром, который он мог создать для себя в полном одиночестве.

А кино, безусловно, было куда более живым.

Он сам выбрал способ сделать просмотр интереснее: позволил своим глазам стать камерой, представляя, что он лично снимает этот фильм.

Это была его маленькая, личная игра с кинематографом, существующая в отдельном пространстве, далеко за пределами мира Чу Юня.

Чжэн Юаньшэн смотрел на него и слегка кивнул.

- Я встречал немало людей, которые от природы созданы быть актерами, но тех, кто обладает истинно врожденным «режиссерским взглядом», – единицы. Такая интуиция невероятно ценна, ее практически невозможно развить искусственно, – сказав это, он слегка улыбнулся:

- Ши Цзянь, ты от природы принадлежишь кино.

Фразу «ты от природы принадлежишь кино» Ши Цзянь слышал далеко не впервые.

Более того, после выхода «Безымянной птицы» он слышал ее настолько часто, что это стало почти невыносимым: эта фраза заставляла его хотеть спрятаться, она становилась поводом для насмешек со стороны Чу Юня и порой звучала как настоящее проклятие.

Ши Цзянь вовсе не считал, что принадлежит кино, да и само кино, по его мнению, в нем совершенно не нуждалось.

Он не испытывал к кинематографу никакого священного благоговения и мог бы с легкостью отказаться от него ради чего-то другого. И если такого человека всё же можно назвать «принадлежащим кино»...

Ши Цзянь подумал, что в таком случае кино выглядит слишком жалко.

- А что ты думаешь обо мне?

Голос режиссера вырвал его из глубоких раздумий. Ши Цзянь, как и прежде, ответил честно, искренне глядя в глаза собеседнику:

- Вы очень сильный мастер.

Сделав небольшую паузу, он добавил вторую часть фразы, которая, по его мнению, лучше всего доказывала его слова:

- Почти каждый ваш фильм завоевывал главные награды.

Это звучало несколько приземленно и даже меркантильно, но именно этот факт был самым наглядным и неоспоримым доказательством его мастерства.

- Тогда знаешь ли ты, почему я выбрал именно тебя?

Ши Цзянь не смог ответить.

Он и сам давно хотел спросить об этом.

Этот вопрос был точно таким же, как и много лет назад; он мучил его еще со времен «Безымянной птицы».

Почему именно он?

- Ши Цзянь, я снимаю кино уже более тридцати лет, и управление всем процессом для меня стало так же естественно, как дыхание.

Чжэн Юаньшэн смотрел на него спокойно, с той самой непоколебимой уверенностью, которую легко было принять за самовлюбленность.

- Ты - тот самый главный герой, которого я лично отобрал из множества претендентов. Среди актеров, которых выбираю я, никогда не бывает варианта «не справится».

Он пристально посмотрел Ши Цзяню в глаза:

- Ты действительно думаешь, что я стал бы шутить с собственным фильмом?

Ши Цзянь подсознательно покачал головой.

- В молодости я снимал кино из чистой любви, - Чжэн Юаньшэн с глубокой ностальгией вспомнил свое прошлое, о котором уже давно никому не рассказывал.

Он развел руки в стороны, словно пытаясь удержать в ладонях какой-то невидимый, но очень важный инструмент, и произнес:

- Стоять за камерой, снимать то, во что искренне веришь, оттачивать каждую мельчайшую деталь до абсолютного совершенства - это очарование полной самоотдачи, которое ничем невозможно заменить.

Голос режиссера утратил свою прежнюю сдержанность.

Ши Цзянь впервые видел у Чжэн Юаньшэна такое выражение лица. Эта одержимость, исходящая из самой глубины души, буквально поразила его.

Он никогда не был режиссером и не мог до конца осознать смысл слов Чжэн Юаньшэна, но в этот миг Ши Цзянь подумал, что, кажется, всё же способен его понять.

Это было похоже на то чувство, которое охватывало его, когда он полностью погружался в роль: то, что он контролировал, реплики, слетавшие с его уст, выплеснутые эмоции, само создание чужой, искусственной жизни – всё это завораживало его до глубины души.

– Чем больше фильмов я снимал и чем больше наград получал, тем сильнее начинал теряться, – Чжэн Юаньшэн задумчиво посмотрел на декорации вдалеке. – Зачем вообще снимать кино? Ради славы? Ради денег? Ради очередных статуэток? Боюсь, всего этого недостаточно. Я чувствую, что я сам – нечто большее.

Ши Цзянь, поддавшись внезапному порыву, тихо спросил:

– А чего вы хотите на самом деле?

– Люди инстинктивно боятся обнажать свою истинную сущность перед объективом, но кино способно показать всё без остатка. Оно может не приукрашивать действительность, но оно и не позволяет убежать от неё; оно честно до жестокости, – сказал Чжэн Юаньшэн. – Мои фильмы часто говорят об одном и том же: о том, как человек примиряется с самим собой, как он пытается выбраться из бездны боли и отчаяния.

Ши Цзянь замер. Он никогда не задумывался о том, что кино можно понимать именно так, ведь такая трактовка шла вразрез с его собственной внутренней волей.

Он считал, что кино – это как раз невозможность примирения. Это способ беспрепятственно прожить экстремальные, запредельные эмоции в ином мире, из которого вовсе не обязательно возвращаться.

– Ши Цзянь, а ты? – Чжэн Юаньшэн внезапно позвал его, впившись пристальным взглядом в глаза в тот самый момент, когда Ши Цзянь поднял голову. – Почему ты снимаешься в кино?

Ши Цзянь не смог ответить.

Он подумал, что слова режиссера, возможно, уже дали ему ответ.

Он играет в кино другого себя, выплескивая всё, что накопилось у него внутри, без остатка, выставляя свою душу на палящее солнце, чтобы каждый встречный мог её прочитать.

Боль, которую невозможно доверить другим, через созданного персонажа сжигает его самого, отчаянно взывая о помощи.

Не приукрашивать, не убегать, быть честным до жестокости.

- Чувствительность и пронизательность - эти два качества, применительно к актеру, называются талантом.

Горло Ши Цзяня слегка сжалось.

Голос режиссера, казалось, кружил вокруг него, обволакивая.

- Почему ты играл раньше - я не буду заставлять тебя отвечать. Но помни: кино не требует, чтобы ты кому-то угождал, и не требует, чтобы ты оправдывал чьи-то завышенные ожидания.

Ответ Чжэн Юаньшэна был наполнен торжественной, почти религиозной верой.

- Кино - это не товар и не инструмент для ублажения зрителя. Кино - это процесс моего примирения с самим собой, тот единственный момент, когда душа встречается с миром лицом к лицу.

Ши Цзянь не знал, что ответить.

Он никогда не смотрел на истинную суть кино прямо и никогда по-настоящему не заглядывал в собственную душу.

Всё, что произошло в «Безымянной птице», было продиктовано наивностью: Ли Фань, желая задействовать самого чистого и незамутненного новичка, позволил Ши Цзяню, движимому

лишь любопытством и исследованием неизведанного, случайно создать образ Пэн Шу.

Но «Под суетой» оказался в центре всеобщего, пристального внимания. Еще до того, как Ши Цзянь успел окончательно стать Фу Сяньчжи, он уже стоял на самом видном месте, глядя сверху вниз на того, кто должен был его сыграть.

Ши Цзянь до смерти боялся, что не оправдает ожиданий внешнего мира.

И в тот самый момент, когда он начинал сомневаться в себе, персонаж ускользал из его тела.

Когда он сомневался в Ши Цзяне, он невольно сомневался и в Фу Сяньчжи.

Почему он снимается в кино?

Ши Цзянь сидел на полу, прислонившись спиной к краю кровати.

Он молча смотрел на скрипку напротив, к которой уже очень давно не прикасался.

В его голове эхом постоянно звучал голос Чжэн Юаньшэна, а перед глазами стоял его взгляд, полный искреннего восторга, когда тот говорил о кино.

Человек, проработавший в этой индустрии более тридцати лет и достигший самых вершин мастерства, всё еще сохраняет такую жгучую страсть к одному и тому же делу... Ши Цзяню действительно было трудно это понять.

Он тоже не мог уснуть.

Даже если режиссер твердил: «Мой выбор не может быть ошибочным», Ши Цзянь всё равно чувствовал себя совершенно растерянным.

Он привык к равнодушию, пренебрежению и даже открытой злобе, но совершенно не мог

вынести доброты, ожиданий и терпимости, которые проявляли к нему другие.

Он не знал, как отплатить за эту доброту и доверие, происхождение которых было невозможно проследить. Даже он сам не мог понять, откуда берется это «доверие» и как можно чувствовать себя спокойно...

Но завтра он не может, просто не имеет права снова...

Резкий свет экрана в темноте ударил в зрачки. Ши Цзянь опомнился, осознав, что только что сделал.

Раздалась гудка вызова. Сердце на мгновение замерло, а затем забилось быстрее, словно сама его душа повисла на тонкой, дрожащей нити сигнала связи.

Он подумал, что действительно сошел с ума, раз решил связаться с Чу Юнем в такой момент.

Но внутри него поднялось неконтролируемое, почти первобытное желание, не дающее отступить или сбросить вызов.

Палец завис над кнопкой отбоя. Стоило проявить всего немного твердости воли, и он бы нажал её...

- Что случилось?

Телефон лежал на бедре, слишком далеко от уха, и голос, доносившийся из динамика, был приглушенным и искаженным электроникой.

Ши Цзянь не мог разобрать эмоций собеседника, но, не успев даже подумать, уже прижал телефон к уху.

Он молчал.

Из динамика было слышно лишь тяжелое дыхание Чу Юня.

- В чем дело? - затем последовал внезапный, нетерпеливый вопрос.

Чу Юня разбудили.

В глазах Ши Цзяня промелькнуло острое чувство вины, пальцы нервно поглаживали край телефона.

- Говори!

- Чу Юнь...

Гнев, который только начал разгораться на том конце провода, был мгновенно подавлен этим тихим, низким зовом.

Ши Цзянь тоже не смог продолжить.

Что сказать? Что он волнуется? Что ему беспокойно? Что... он скучает по нему?

- Испугался, как только начались съемки? Почему тогда не послушал меня, зачем было лезть на рожон?

Слова Чу Юня первыми вонзились в уши.

Ши Цзянь крепче сжал телефон, не зная, действительно ли Чу Юнь прозрел истинную причину его беспокойства или же это была его обычная, привычная насмешка.

Он не нашелся, что ответить.

На том конце помолчали несколько секунд, прежде чем наконец тихо произнесли:

- Раз уж согласился, играй как следует. Запомни: мои люди не могут «не справиться».

Это было явное предупреждение, но Ши Цзянь странным образом улыбнулся.

Он наконец перестал опускать голову и, продолжая сидеть на полу, позволил верхней части тела расслабленно откинуться на кровать.

Он смотрел в потолок, глазами и тоской рисуя в пустоте образ молодого господина. Невидимые линии складывались в сияющий силуэт.

- Хватит позориться на людях, - тон на том конце стал немного мягче, но в нем всё еще чувствовалась сильная усталость. - Если не можешь играть, признай поражение и возвращайся.

Звук оборвался.

Ши Цзянь слегка наклонил голову, глядя на экран, где всё еще отображался завершённый вызов.

Он смотрел, как цифры одна за другой продолжают сменяться, словно видел человека, который закрыл глаза и окончательно погрузился в сон.

В чем смысл актерства?

Он пока не нашел ответа.

Но смысл Чу Юня для него в этот момент стал предельно ясен.

Ши Цзянь подумал, что шипы Чу Юня - это единственное противоядие, способное пробудить его онемевшую душу.

Он должен быть рядом с Чу Юнем, пусть даже тот изранит его до крови, – только так он сможет обрести истинный смысл жизни.

Как и сейчас: его сердце бешено колотилось, заставляя прижаться к динамику и оставить на нем легкий, едва ощутимый поцелуй.

- Спокойной ночи, - прошептал он.

Ну и мазохист, и при этом вполне самодостаточный, брат.

<http://bllate.org/book/17941/1720635>